

Модерн и картезианский двойник

АНАТОЛИЙ
РЯСОВ

Внимание Мартина Хайдеггера к фигуре Рене Декарта сложно переоценить. Имя французского философа порой упоминается им в самых неожиданных контекстах: в разговоре о нигилизме, о технике, о психиатрии. В 1920-е Хайдеггер начал разрабатывать масштабный философский проект, в котором разбирательство с картезианством стало точкой отсчета для постановки вопроса о преодолении метафизики. В «Бытии и времени» Декарт оказывается единственным мыслителем, удостоенным трех отдельных – пусть и коротких – параграфов (даже Гегелю посвящен лишь один). Какую же роль отводит Хайдеггер французскому философу?

Анатолий Рясков
(р. 1978) – независимый
исследователь.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК АТАКА НА ДЕКАРТА

Согласно Хайдеггеру, латинский перевод греческих слов является колоссальным преобразованием самих основ мышления. Перед нами не просто утрата этимологических корней: сталкиваясь с превращением *λόγος* (речи) и *ἀλήθεια* (истины) в *ratio* (разум) и *veritas* (достоверность), мы оказываемся у водораздела всей западной философской мысли. В свою очередь работы Декарта выступают в роли нового поворота: он и продолжает

КУЛЬТУРА
МОДЕРНОСТИ
REVISITED

схоластическую традицию, и знаменует ее завершение, открывая переход к Новому времени. Ни один предшествующий мыслитель не наделял понятие «метод» метафизическим весом: отныне алгоритм решения задач становится стержнем существа субъективности, а «в смысле так понятого “метода” все средневековое мышление по существу безметодично»¹. Именно картезианство осуществляет сращивание сознания и субъекта, превращая мир в предмет исследования, онтологию – в науку, а язык – в информацию. Манифест этого теоретического поворота, открывающего простор для господства техники и тотальной калькуляции, Хайдеггер находит в пассаже из «Рассуждения о методе»:

«Вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы, как и они, использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владельцами природы»².

В работах Декарта в полный голос заявляет о себе научный способ мышления, человек наделяется статусом субъекта, характер бытия природы определен как предметность, а стремление просчитывать и контролировать природные процессы начинает превращаться в желание властвовать над ними. При этом подобное исследование мира (от Галилея до Эйнштейна) обнаруживает свою зависимость от определенного метода, а «все эти теории уже всегда одинаково основываются на предположении сплошь вычисляемой и измеримой действительности»³. Закон каузальности не перестает сохранять своей неизблемой силы даже в ядерной физике, а само наличие научной модели неизбежно модифицирует проект природы из онтологического в инструментальный.

Предлагаемая в «Бытии и времени» интерпретация истории философии Нового времени, по словам Хайдеггера, «не только дает доказательство, что Декарт вообще должен был упустить бытийный вопрос, но показывает также, почему он пришел к мнению, что с абсолютной “удостоверенностью” своего “*cogito*” он избавлен от вопроса о бытийном смысле этого сущего»⁴. Полемика с картезианством оказывается ключом к по-

- 1 ХАЙДЕГГЕР М. *Европейский нигилизм* // Он же. *Время и бытие. Статьи и выступления*. СПб.: Наука, 2007. С. 183.
- 2 ДЕКАРТ Р. *Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 286.
- 3 ХАЙДЕГГЕР М. *Цолликоновские семинары*. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2012. С. 271.
- 4 Он же. *Бытие и время*. М.: Академический проект, 2011. С. 24.

ниманию современности и возможностью определить границы модерна: «Атака на Декарта, то есть *адекватное* его основной метафизической позиции контрвопросание исходя из принципиального преодоления метафизики, может быть осуществлено только путем постановки вопроса о бытии»⁵.

Таким образом, главной задачей фундаментальной онтологии оказывается необходимость вырваться из картезианской системы координат, предполагающая, однако, не возврат к докартезианскому миру, а выстраивание радикальной альтернативы. *Dasein* (*здесь-бытие, вот-бытие, присутствие*) предстает как концепт, противоположный субъекту, познающему предмет. В этом смысле философия Хайдеггера никак не соотносима с традиционалистскими концепциями, более того, сам традиционализм здесь не может трактоваться иначе, чем продукт Просвещения и модерна. Амбиции Хайдеггера впечатляют, а сама степень его влияния на современную философию говорит о том, что выстроенная им логика аргументации продолжает работать по сей день.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ

МОДЕРН И КАРТЕЗИАНСКИЙ
ДВОЙНИК

В работах Декарта в полный голос заявляет о себе научный способ мышления, человек наделяется статусом субъекта, характер бытия природы определен как предметность, а стремление просчитывать и контролировать природные процессы начинает превращаться в желание властвовать над ними.

Сложно, однако, не обратить внимания на курьез, связанный с тем, что в многотомном собрании сочинений Хайдеггера нет ни одного курса лекций и даже отдельной статьи, специально посвященных разбору текстов Декарта: на роль главных героев здесь может претендовать кто угодно – Парменид, Дунс Скотт, Рене Шар, – но только не он. Едва ли не единственным исключением является представленный в семнадцатом томе немецкого собрания и пока не переведенный на русский язык курс лекций «Введение в феноменологическое исследование», прочитанный в Марбургском университете в 1923–1924 годах⁶. Значительная часть этого курса была посвящена началу философии Нового времени, влиянию схоластов на Декарта, а также сопоставлению картезианства и феноменологии Гуссерля.

5 Он же. *Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939)*. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. С. 202.

6 HEIDEGGER M. *Einführung in die phänomenologische Forschung // Gesamtausgabe*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2006. Bd. 17.

Перед нами еще не Картезий из «Бытия и времени» и более поздних текстов, но некто, уже готовый последовать по пути будущей интерпретации.

Тем не менее проблема вовсе не в том, что Хайдеггера не удается поймать за руку, указав на односторонность предлагаемого им прочтения Декарта. То, что он не претендует на всесторонний анализ работ французского философа, парадоксальным образом выступает сильной стороной его концепции. Как раз предпринятое им превращение Декарта в концептуального персонажа и определяет принципы выстраивания этой иерархии идей, в которой на первый план неизбежно выходит философия субъекта, очерчивающая контуры современности. Без оглядки на картезианство оказываются невозможны ни романтизм, ни кибернетика, ни заключительная фраза «Тезисов о Фейербахе». Именно поэтому едва ли удастся доказать, что у хайдеггеровского способа прочтения Декарта отсутствуют серьезные основания. Но что, если поставить вопрос иначе: не содержит ли это избирательное чтение умолчания, способные скомпрометировать понимание сущности модерна?

ВТОРОЙ ДЕКАРТ

Вполне предсказуемым жестом, призванным уравновесить образ математика и естествоиспытателя, является поиск иррациональных начал в текстах Декарта. Но что, если попробовать обойтись без упоминания мотивов Бога-обманщика и философа в маске, без повторения аргументов Деррида в его споре с Фуко и без перечитывания письма о трех загадочных сновидениях? К тому же можно легко представить себе ответную реплику Хайдеггера: «Копание в иррациональном становится все изобретательнее и рациональнее»⁷. Обратимся вместо этого к трактату «Первоначала философии», несколько параграфов которого посвящены размышлениям о природе заблуждений.

Декарт выделяет четыре основания человеческих ошибок. Во-первых, это предрассудки детства, которые в самом начале жизни начинают вести нас по ложному следу. Во-вторых, невозможность полностью «изгладить из памяти эти предрассудки» – во взрослом возрасте мы продолжаем помнить свои детские фантазии и страхи, подспудно позволяя им оказывать влияние на наши суждения. Далее, естественная сложность, касающаяся размышлений о том, «что непосредственно не дано нам в чувствах», необходимость выработать в себе привычку к абстрактному мышлению, которой неизбежно со-

7 Хайдеггер М. *Заметки I–V (Черные тетради 1942–1948)*. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. С. 294.

путствуют утомление и затуманивание сознания. И, наконец, четвертой причиной заблуждений является язык: «мы закрепляем наши понятия в словах, неточно соответствующих вещам»⁸; здесь уместно вспомнить и признание из «Рассуждения о методе»: «часто вещи, казавшиеся мне истинными, когда я лишь начинал о них думать, оказывались ложными, когда я излагал их на бумаге»⁹.

Вроде бы пока нет никаких поводов остерегаться демонов и мистики: перед нами сугубо рациональный анализ человеческих ошибок, призванный «отделить ясные и отчетливые понятия от понятий темных и смутных»¹⁰. Подобная работа, впрочем, не сулит краткости и легкости: в письме аббату Мерсенну Декарт признается, что ему пришлось оставить незаконченными несколько трактатов, так как, приноравливаясь к ним, он «вынужден был составить новый проект, немного больший первого, так же, как если бы некто, начав строить для себя здание, неожиданно разбогател и изменил свой титул, так что начатое здание стало бы для него слишком мало»¹¹.

Итак, познающий субъект – это тот, кто вынужден наблюдать не только за объектом своего исследования, но и за собственным мышлением, постоянно подвергая его критическому анализу. А это в свою очередь предполагает необходимость увидеть себя со стороны, быть наблюдателем. И ключевой проблемой здесь оказываются его взаимоотношения со временем. Иными словами, субъект – это тот, кто не прекращает становления, а значит – пребывает в некотором рассинхроне с самим собой: заблуждения прошлого и представления о будущем накладываются на исследования настоящего. Помимо этого, для структурирования мыслей субъекту необходим язык, который, увы, полон двусмысленностей и неопределенностей. Иными словами, вовсе не обязательно погружаться в проблемы сумасшествия и сновидений, чтобы заметить, что сознание картезианского субъекта оказывается раздвоенным с самого начала. По словам Жан-Люка Нанси, «модель Декарта двойственна и, следовательно, вдвойне скрыта» (в первую очередь от самой себя)¹². Быть может, не нужно слишком преувеличивать этот разлом, но и желание полностью его проигнорировать вызывает не меньше вопросов.

Истоки картезианской двойственности сугубо теологические, и уводят они не только к спору между номиналистами и реалистами, но и к различиям во взглядах Оригена и Тертулли-

8 ДЕКАРТ Р. *Первоначала философии* // Он же. *Сочинения...* Т. 1. С. 344–346.

9 Он же. *Рассуждение о методе...* С. 288.

10 Он же. *Первоначала философии*. С. 347.

11 Он же. *Письмо К.М. Мерсену 15 апреля 1630 г.* // Там же. Т. 1. С. 587.

12 NANCY J.-L. *Ego Sum*. Paris: Flammarion, 1979. P. 80.

ана, связанным с соотношением вопросов богословского знания и божественной непостижимости. А непосредственным предшественником *cogito ergo sum*, разумеется, можно считать Блаженного Августина с его рассуждениями об ускользающем времени и сентенцией «Si fallor, sum» («Если я обманываюсь, то уже поэтому существую»¹³). Однако в рассматриваемом контексте необходимо проследить, куда это раздвоение сознания приведет нас в эпоху позднего модерна. Ответ не заставит себя долго ждать: к расщепленному субъекту психоанализа.

Субъект – это тот, кто не прекращает становления, а значит – пребывает в некотором рассинхроне с самим собой: заблуждения прошлого и представления о будущем накладываются на исследования настоящего.

Существенным отличием Жака Лакана от многих философов второй половины XX века стало его недоверие заявлениям о смерти субъекта. Настойчиво продолжая использовать это понятие, Лакан не только сохраняет преемственность по отношению к Фрейдю, но и подвергает сомнению рационалистскую интерпретацию философии Декарта. Более того, Лакан уверен, что «существует точка, где подходы Декарта и Фрейда сближаются, сходятся воедино»¹⁴. Действительно, если с такой установкой перечитать рассуждения Декарта о природе заблуждений, то на первый план выступают темы детства и языка, впоследствии ставшие квинтэссенцией психоаналитической теории. Прошли целых пять столетий, а картезианскому владельцу природы так и не удалось избавиться от зловещего двойника. В каждом новом акте высказывания он – пусть и неприметно – отличается от себя предшествующего. *Cogito* продолжает пребывать в разладе с самим собой, продолжает от себя ускользать. Модернистский субъект – это не столько тот, кто пытается подчинить природу сознанию, но прежде всего тот, кто обременен бессознательным.

Впрочем, у «темной стороны» Декарта имеются предшественники и последователи не только в пространстве философии. Вопрос о двойственности субъекта оказывается принципиальным для эволюции художественной литературы. Во Франции незадолго до рождения Декарта в эти проблемы был погружен Мишель де Монтень, также рассматривавший раздвоение сознания

13 Блаженный Августин. *О Граде Божием книги I–XIII* // Он же. *Творения*. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 3. С. 498.

14 Лакан Ж. *Четыре основные понятия психоанализа (Семинары. Книга XI)*. М.: Гнозис; Логос, 2004. С. 41.

как необходимое условие становления личности: «Я тогдашний и я теперешний – совершенно разные люди». У Монтеня обнаруживается и будущая картезианская проблема рассогласования *cogito* и речевого выражения: «вдруг моя мысль настолько от меня ускользает, что я уже больше не знаю, что же я хотел выразить; и бывает так, что посторонний человек понимает меня лучше, чем я сам себя»¹⁵. Еще более яркой иллюстрацией этого внутреннего расщепления стал шекспировский Гамлет с его фразой «The time is out of joint»¹⁶ (обретающей несколько иной смысл в русских переводах). Нередко главным протомодернистским текстом предлагают считать «Дон Кихота» Сервантеса, однако Эрих Ауэрбах называл подлинным историческим рубежом трагедию Шекспира:

«Достаточно сопоставить Дон Кихота, запутавшегося в жизни, с его безумием, легко поддающимся анализу и в конце концов излечимым, и Гамлета, который неизлечимо, многозначно и принципиально запутался в этом мире, чтобы сразу оценить все различия, существующие между ними»¹⁷.

В недавно опубликованной книге Валерия Подороги писатели-модернисты (Пруст, Валери, Беккет) представлены как внимательные читатели Декарта¹⁸. Для «Поисков утраченного времени» принципиально важна фигура рассказчика-наблюдателя, характер господина Тэста не что иное, как попытка создать образ идеального картезианца, а в текстах Беккета можно обнаружить массу прямых отсылок к Декарту. Этот ход вполне работоспособен, но, может быть, все обстоит наоборот: не литература восприняла картезианские интуиции, а сам Декарт концептуализировал давно известные литературе истины?

Если вообще возможно зафиксировать в истории искусства фундаментальные повороты, то на функцию разделительной линии здесь может претендовать античный роман. Между «Энеидой» и «Сатириконом» разверзается пропасть, различимая уже в той роли, которую в романе приобретает рассказчик. Впервые открывается невозможная для эпоса перспектива удвоения повествования, обнаруживающая потенциал для пародийности, автобиографизма, разделения или слияния речи рассказчика и героя, обращений к воображаемому читателю и куда более причудливых форм языковой полифонии. Это свойство литературы (а если шире – искусства как такового) было хорошо

15 МОНТЕНЬ М. *Опыты. Книга третья*. М.: Наука, 1979. С. 40.

16 SHAKESPEARE W. *Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark // Shakespeare's Tragedies*. London: Dent & Sons; New York: E.P. Dutton & Co, 1913. P. 503.

17 АУЭРБАХ Э. *Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 265.

18 ПОДОРОГА В. А. *Страсть к свету. Рене Декарт – становление мифа*. М.: Канон+; Реабилитация, 2026.

известно Декарту, ведь «Рассуждение о методе» открывается намерением «изобразить свою жизнь, как на картине»¹⁹.

ЭКСКУРС: АРТО И ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА

Характерной иллюстрацией запутанных отношений модерна с картезианством могут стать жизнь и творчество Антонена Арто. Его деятельность ассоциируется сегодня прежде всего с расшатыванием *cogito*, трансгрессивным скачком в безумие, радикальным сюрреализмом, растворением «я» в темных онтологических основаниях, аморфным телом без органов – иными словами, с чем угодно, но никак не с реабилитацией картезианского субъекта. Для этого имеется немало оснований. Уже один из ранних текстов Арто – «Письмо главврачам психлечебниц» – можно назвать апологией безумия:

«Не утверждая, что в каждом проявлении сумасшествия скрыта крупица бесспорной гениальности, уж насколько нам дано ее распознать, мы провозглашаем абсолютно легитимным то, как безумцы воспринимают реальность и как, согласно такому представлению, затем решают поступать»²⁰.

Впрочем, если публикации 1920-х в журнале «La Révolution surréaliste» содержали значительный заряд эпатажа, в письмах 1930-х раздвоенность сознания все больше начала интелесовать Арто как философская проблема. При этом едва ли не главными его собеседниками на протяжении десятилетий оставались врачи. Так, одно из посланий Жоржу Сулье Морану (популяризатору традиционной китайской медицины во Франции) демонстрирует открытую полемику с Декартом. Арто пишет о мыслях-выкидышах, о нерожденных идеях, о непроизнесенных словах, признается в «неспособности оформить, раскрыть собственную мысль», которая «в каком-то смысле может напомнить заикание, подчиняющее себе высказывание». Эта невозможность схватить собственную мысль порождает «чувство чудовищной, жуткой усталости, необычайного давления на темя и затылок». Казалось бы, перед нами не что иное, как радикализация тезисов Монтеня и Декарта о несовпадении идеи и ее языкового выражения, однако Арто указывает на более раннюю проблему. Мысль сущностно отделена от мыслящего, и она продолжит ускользать даже в том случае, если барьер между содержанием и выражением будет полностью преодолен. Принципиальная недостижимость, выступающая

19 ДЕКАРТ Р. *Рассуждение о методе*... С. 252.

20 АРТО А. *Письмо главврачам психлечебниц* // Он же. *Ван Гог. Самоубитый обществом*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 105.

как онтологическое основание всякой мысли, заставляет Арто прийти к выводу, что «описание работы мозга в духе Декарта в той же степени примитивно, в какой ложно, потому что эта логика беспомощна с самого начала». Арто переворачивает предложенную Декартом оппозицию «разум – тело»: залогом существования выступает для него не мысль, а первичное ощущение боли, которого еще «не понимаешь»²¹.

При этом искусство для Арто оказывается и бесконечностью удвоений, и проводником в область, предшествующую мышлению. Художественные образы способны не только складываться в смыслы, но указывать на сами механизмы смыслообразования. Погружение в эти проблемы имело серьезные последствия: в конце 1930-х Арто был отправлен на принудительное психиатрическое лечение и провел почти десять лет в больницах для душевнобольных. Раздвоение сознания окончательно перестало быть для него лишь предметом теоретизирования, но воплотилось в отказе от собственного имени, неспособности узнавать близких и утрате интереса к литературному творчеству. Характерно, что в 1938 году Арто обследовал Лакан (в те годы практикующий врач-психиатр с десятилетним стажем), который, по свидетельству Роже Блена, поставил тотально ошибочный диагноз, сообщив, что пациент больше не вернется к прежнему образу жизни и не напишет ни строчки. То, что за последующие десять лет жизни Арто написал больше текстов, чем за все предыдущие вместе взятые, лишней раз напоминает, что создатели великих теорий вовсе не обязательно преуспевают в их реализации на практике.

В середине 1940-х в лечебнице Родеза начинается перерождение Арто. Вновь отправлять письма знакомым (и незнакомым) людям он стал еще в начале 1939 года, но теперь Антонен Арто подписывает тексты собственным именем, перестав именоваться потомком Марии и Иосифа, Антонео Арланапulosом, Явленным и другими неординарными именами. Предшествующие годы он назовет периодом помутнения и околдованности, связывая расшатывание сознания с чрезмерным доверием эзотерике и религии, а институт психиатрии – не с избавлением от порчи, а с усугублением ее разрушительного влияния на разум. Образ врача-собеседника постепенно будет сменяться тенью психиатра-истязателя. Впрочем, это триумфальное возвращение субъекта совпадет по времени с многочисленными сеансами электрошоковой терапии, назначенными ему главврачом лечебницы Родеза. В конце 1945 года Арто напишет Роже Блену, что «вышвырнул в окно причастие, евхаристию, бога вместе с его христом, чтобы стать самим собой – прос-

21 ARTAUD A. *Lettre à Georges Soulie de Morant, 19 février 1932* // *Œuvres*. Paris: Gallimard, 2004. P. 338–342.

то Антоненом Арто, неверующим безбожником от природы и в душе»²², и теперь ему остается только вырваться из стен психиатрической больницы Родеза, что удастся осуществить через полгода.

Жизнь Арто оказывается редким примером предельного распада и решительного возвращения субъективности. Достигнув пределов мышления и познав ту сторону безумия, где любое творчество оказывается невозможным, он словно собирает себя заново из осколков и фрагментов. В поздних текстах Арто стремится выстроить новое понимание субъективности, здесь перед нами не исправно работающая машина разума, а расслаивающееся «я», изгнанное за пределы себя, но при этом парадоксальным образом способное к возвращению назад даже в ситуации, казалось бы, безвозвратного распада. Иными словами, в текстах, написанных Арто в конце 1940-х, обнаруживается тот самый субъект, размышлениям о котором Лакан посвятит свои семинары.

ВТОРОЙ ХАЙДЕГГЕР

Вернемся к изначальному сюжету. Был ли Хайдеггер знаком с иррациональной ипостасью картезианства, исследованной Арто и Лаканом? Как будто бы нет. Даже в разговоре о психоанализе Хайдеггер предпочитает не замечать темные стороны субъекта. Преемственность Фрейда в отношении Декарта утверждается им совсем на ином основании, чем у Лакана: фрейдизм остается на территории науки, и «если непрерывность каузальных связей не обнаруживается основателем психоанализа в сознании», то поэтому «он должен изобретать “бессознательное”»²³. Иными словами, психоанализ – вслед за естественными и гуманитарными науками – принимает декартовскую модель мира, поддающегося исчислению и систематизации. Подлинная же задача заключается в том, чтобы найти способ взаимодействовать с феноменами, противящимися превращению в предмет понятийного представления.

Именно пренебрежение неисчислимым привело к тому, что во всех научных теориях, включая психоанализ, «упускался вопрос, что такое человек и каким образом человек существует в качестве человека». Напротив, скорбь, страх, скука не поддаются калькуляции, они принципиально многозначны, и в их описании искусство преуспевает больше, чем наука. Поэтому для понимания человека «нужно отказаться от мнения, что лишь доказанное является истинным», а для *Dasein*-аналитики,

22 ИДЕМ. *Lettre à Roger Blin, 23 septembre 1945 // Œuvres complètes*. Paris: Gallimard, 1974. Т. XI. Р. 120.

23 ХАЙДЕГГЕР М. *Цолликоновские семинары*. С. 285.

которую Хайдеггер разрабатывал совместно с Медардом Боссом, решающей должна стать не исчисляемость, а проблематичность сознания, его захваченность миром и его экзистирующее умение. Главной задачей *Dasein*-аналитики провозглашается необходимость «сделать видимым целое единства онтологических условий»²⁴. Таким образом, психоанализ представляется продолжением картезианского проекта, и здесь не найти каких-либо намеков на присутствие в работах Декарта иррационального субъекта. Французский философ неизменно проходит по ведомству научно-математической систематизации мира. И тем не менее тень «второго» Декарта внезапно дает о себе знать в ключевом концепте Хайдеггера: его философии времени.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ
МОДЕРН И КАРТЕЗИАНСКИЙ
ДВОЙНИК

Психоанализ – вслед за естественными и гуманитарными науками – принимает декартовскую модель мира, поддающегося исчислению и систематизации.

Одна из задач фундаментальной онтологии заключается в том, чтобы противопоставить становление *Dasein* расхожей концепции времени, в которой оно понимается как череда «теперь». В §65 «Бытия и времени» Хайдеггер пишет о способности *Dasein* обнаруживать себя как постоянное заступление в будущее, открывающее возможность доступа к истории: «присутствие вообще в его самой своей возможности способно настать для себя и в таком само-допущении-себе-настать выносит эту возможность как возможность». Сущностная укорененность *Dasein* заключается в постоянном опережении себя: *вперед-себя-бытия*. Но это вовсе не означает, что здесь закрыта возможность оглянуться назад и распознать себя как бывшее: «лишь поскольку оно присутствие вообще *есть* как *я есть-бывшее*, оно способно в будущем так само для себя настать, чтобы вернуться в себя»²⁵.

Стало быть, *Dasein* существует как собственный набросок: постоянно опережая себя и от себя отставая. Однако именно это заступление в будущее (в отличие от уютной череды «теперь») оказывается и некоей рассинхронностью – принципиальным несовпадением с собой, размыкаясь в экзистенциалах ужаса, скуки, заброшенности. Возможно, не стоит торопиться вести речь о воскрешении субъекта – но кто же перед нами, если не двойник Декарта, появляющийся в текстах Хайдеггера в самый неподходящий момент?

24 Там же. С. 226, 296, 175.

25 Он же. *Бытие и время*. С. 325–326.

Сущность модерна не удастся представить лишь как скрупулезный подсчет физических величин, информационных данных, денег и снарядов. Субъект познания одновременно оказывается механизмом опасного раздвоения. Однако и обвинить Хайдеггера в полном игнорировании проблемы раскола вряд ли получится. Напротив, в этой системе координат как раз ставка на рациональность и порождает разлад, основным свидетельством которого Ницше называл нигилизм. Это рассудочность, предопределяющая крушение: «Нынешняя мировая война – крайнее ниспровержение всего сущего в безусловность махинации»²⁶, – записывает Хайдеггер в 1940 году. Но проблема заключается не в том, чтобы безоговорочно принять эту связь рационализма и катастрофы или, наоборот, отбросить ее как заведомо ложную, а в том, чтобы разобраться, в какой степени она отличается от других определений модернистского субъекта.

«Собственное Я – это то, в чем субъект не может признать себя, не оказавшись от себя отчужденным. Он не может, следовательно, обрести себя, не упразднив прежде *alter ego* собственного Я»²⁷, – эти слова Лакана не настолько уж несопоставимы с жестом Хайдеггера, вслед за Гельдерлином искавшего спасение внутри опасности. А *Dasein*, перманентно опережающее себя, чтобы к себе вернуться, определенно имеет точки соприкосновения не только с психоаналитическим «единством отчужденного от себя субъекта»²⁸, но и с гегелевской диалектикой противоположностей. Эти системы также характеризуются стремлением удержать тотальность в кульминационный момент раскола. Значит, избрав картезианство, гегелянство и психоанализ в качестве оппонентов, философия Хайдеггера не смогла в полной мере избавиться от их призраков? Как минимум фундаментальная онтология оставила непроработанной одну из сторон картезианства, и это умолчание несколько компрометирует не только заявленную атаку на Декарта, но и хайдеггеровское понимание модерна. Так или иначе, внутренняя рассинхронность, присущая как *Dasein*, так и субъекту, превращает разделяющую их сплошную линию в прерывистую.

* * *

Но, возможно, как это порой бывает, радикальное отличие находится не там, где его привыкли искать. Если вернуться к фигуре Арто, то в его обвинениях в адрес теологии обнаружива-

26 Он же. *Размышления VII–XI...* С. 203.

27 ЛАКАН Ж. *Символическое, Воображаемое и Реальное* // Он же. *Имена-Отца*. М.: Гнозис; Логос, 2005. С. 28.

28 Там же.

ются неожиданные рифмы с хайдеггеровским тезисом о преодолении метафизики. Подлинный вес этой ставки раскрывается вовсе не в критике субъекта, а в поиске выхода за пределы теологии, в пространстве которой оставались Декарт, Гегель и даже Лакан. Никакой секуляризации не удалось стереть религиозных контуров модерна, и поэтому следующим поворотом в истории философии может стать только нетеологическое мышление. Едва ли не единственным современником Хайдеггера, рискнувшим представить сопоставимое по масштабу решение той же задачи, стал Жиль Делёз. Осуществляли они это совсем по-разному: один через переосмысление проблемы трансцендентности, второй – в ставке на имманентность, но это тема для совсем другого разговора.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ
МОДЕРН И КАРТЕЗИАНСКИЙ
ДВОЙНИК

